

БУФЕТ
ОЛЬГА ШУМКОВА

16+

Ольга Шумкова

Буфет

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шумкова О.

Буфет / О. Шумкова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

На старой даче стоит буфет, а в нем лежат разные вещи - игрушки, тетрадки, даже одежда. И каждая вещь может рассказать свою историю.

Содержание

Блузка	6
Кошенька Маруся	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

На старой даче стоит большой буфет.

Я пользуюсь только двумя ящиками, а в остальных ящиках и тумбочках лежат вещи – просто старые вещи, забытые, давно никому не нужные.

Но каждая вещь – это воспоминание и история.

Блузка

Вот оно – мое безотказное средство от плохого настроения. Сколько лет прошло, страшно сказать, а я по-прежнему не могу смотреть на нее без смеха.

Каждое лето на меня нападает стих рукоделия – мне хочется шить, вязать, вышивать, создавать необыкновенно красивые вещи – начиная от шарфика дочкам и заканчивая прекрасными вышитыми занавесками.

Как правило, ничего не получается, шарф остается в виде набранных на спицу петель, дивные расшитые шторы заканчиваются на продетой в иголку нитке, а красивые платья девочкам – криво разрезанной тканью.

Мне было четырнадцать, когда какой-то негодяй – иначе не скажешь – уверил меня, что женщина должна уметь все.

И я поверила. И не только поверила, но и влюбилась в прекрасный образ все умеющей женщины, настоящей матери семейства, у которой дети ходят в красивых, сшитых ею самостоятельно нарядах.

И стала учиться.

Конечно, в школе у нас были уроки труда. На них мы готовили и занимались разными рукоделиями. На кулинарных занятиях можно было затеряться в толпе и, например, вызваться перемешивать салат или мыть посуду, пока более умелые одноклассницы чистили картошку и месили тесто. На уроках рукоделия я оставалась одна.

Конечно, я выкручивалась как могла – утверждала, что до невозможности болит голова или все еще думаю над фасоном, потом тащила ткань домой, где рукастая деревенская бабка на старинной вывезенной из деревни машине строчила мне простенький фартук или блузку. Учительница труда рассматривала бабкины поделки и возмущалась:

– А тут вот шов кривой!

Я приходила домой и рассказывала бабке. Бабку это не расстраивало:

– Сама она кривая.

Как-то раз блузку мне сшил старший брат, и ему поставили тройку – он не обметал шов. Узнав о том, что любимому сыну поставили трояк, мама разбушевалась:

– С ума сошла твоя учительница! У него аттестат с отличием, он отличник в институте, знает три языка и закончил музыкальную школу! Я пойду в школу и разберусь.

Папе стоило немалых трудов убедить маму остаться дома: по легенде блузку шила я, а мне вполне достаточно было тройки. Мама добавила несколько нелестных слов в адрес учительницы и успокоилась.

Когда мне было четырнадцать, школьные уроки труда остались позади, и вот тут-то мне пригорело шить, вязать и вышивать.

На даче обнаружилась еще одна бабкина машинка, но бабка категорично заявила:

– Вот помру – тогда ломай. А пока уйди с богом отсюда, добром прошу.

Я клялась, что не испорчу машинку, но бабка была непреклонна.

Среди моих дачных подруг была девочка Света, которая очень любила рукоделие. У нее я увидела прозрачный футлярчик для вязальных крючков с наклеенной сверху переводной картинкой. Света постоянно что-то делала:

– Вот сейчас закончу курочку вязать – это будет накидка на яичко, а потом стану вышивать скатерть...

Я сбегала в магазин, купила себе такой же футлярчик, наклеила картинку и приступила к делу.

Бабка, ворча что-то о безруких, показала мне основные приемы вязания крючком. Мама, которая вдруг поверила в мои таланты, купила мне тонкие нитки, и я начала вязать кофточку.

Надо отдать мне должное – связав первые три ряда, я поняла, что летом эту кофточку не довяжу и надеть всяко не успею. Тогда я решила работать на перспективу, распустила старую кофту и стала вязать теплую жилетку к зиме.

Работа шла быстро, и к концу августа жилетка была готова: два больших связанных прямоугольника. Ворот и проймы я вывязывать не умела, и вообще это казалось мне лишним.

Жилетка получилась слишком плотной вязки. Долгое время мама развлекала себя тем, что брала мою жилетку и ставила ее на стол. Жилетка стояла как влитая, не шевелясь и не падая. Папа, увидев это первый раз, потерял дар речи, а потом выдавил:

– В Средневековье с таким талантом ты была бы очень востребована. Это же кольчуга!

Я не расстроилась и стала вязать спицами. Мой тогдашний бойфренд, мальчик из очень серьезной, патриархальной семьи, как-то увидел меня со спицами и, застенчиво посопев, попросил связать ему шарф:

– Мне будет очень приятно! И вязать – это так женственно...

Моей маме тоже очень понравилась эта мысль:

– Конечно! На Руси всегда женихам вязали.

Мы купили коричневую пушистую шерсть, я принялась за работу. Конечно, количество шерсти мы не рассчитали, и я снова пошла в магазин. Такой же шерсти уже не было, тогда я купила другую – серую и совершенно другую по плотности и пышности, решив, что пушу ее на края шарфа. Вязать мне скоро надоело, и то, что вышло, я подарила молодому человеку.

Через много лет мы случайно встретились с его мамой. Она посетовала, что мы с ее сыном так и не поженились:

– Жалко! Ведь он, Оленька, так тебя любил. Каждую осень, бывало: мама, где Оленькин шарф? Я уж и прятала шарф, новый ему купила – чистый мохер, красивый, теплый! Да ты уж меня прости, но ведь я даже моль как-то прямо на шарф твой посадила. Так не поверишь – и моль жрать не стала. А он, дурачок, наденет убожество твое и идет гордый. У меня сердце кровью обливается – единственный сын, а на шее тряпка, как с помойки. Вот уж это настоящая любовь была...

Видя, как я тужусь и стараюсь, бабка все-таки дала мне машинку. Заправлять я ее так и не научилась, но строчила лихо. В сшитом самолично платье я как-то вышла встречать маму на станцию. Увидев меня, и без того вспылчивая мама страшно рассвирепела:

– Ты уж лучше юбку до кой-чего нацепи или просто в трусах болтайся! И то приличнее будет. Покупаю-покупаю, все импортное, модное – а она дурит! Шьет! Не понимает, что если руки растут из...

Тут мама огляделась, увидела удивленных людей вокруг и громко сказала:

– Это – не со мной.

И гордо пошла домой.

Я в своем дивном платье тащила следом.

Утром бабка перешила мое платье на передник.

Еще одним экспериментом того лета был маленький белый платочек, на котором я вышила гладью вишенку на веточке. Гладь получилась суровой: папа, недоверчиво трогая вишенку пальцем, спросил:

– А это точно гладь? Ведь такой гладью если что – нос начисто срежешь...

Зеленая блузка на пуговках была завершающим аккордом. После этого бабка отобрала у меня машинку и спрятала ее на чердак.

Блузка не потерялась в странствиях, я таскала ее в чемодане, а когда у меня случилось плохое настроение, я доставала ее и тут же начинала хохотать как сумасшедшая – настолько она кривая, смешная и нелепая.

Теперь она висит в шкафу на даче, и вполне может быть, что когда-нибудь к ней добавятся неровно связанный шарф или криво вышитый платочек.

Кошенька Маруся

А вот желтая пластмассовая кошка – не помню, откуда она, кажется, она досталась мне уже без хвоста.

Девочки эти были совсем другие. Мы носились по улице одни, а их не выпускали, они играли только на своих участках.

Девочек было две – одна моя ровесница, другая постарше на два года.

Мы познакомились через забор, вечером бабушка одной из девочек зашла – как бы случайно – к моей бабке, удостоверилась, что я вполне воспитанная, и на следующий день меня пригласили играть к девочкам.

Бабушка Таня и бабушка Надя пили чай на веранде. Ира и Даша играли в саду – у них был домик, куклы и игрушечная посуда. Бабушки выслушали мое приветствие, улыбнулись, поздоровались и продолжили свой разговор:

– И вот я думаю, Надя, что мне надо написать мемуары...

У меня дома тоже был и домик, и куклы, и посуда. Но тут все было по-другому.

Моя бабка сажала огород. И мемуаров она не писала.

Мы стали играть, девочки оказались милыми и веселыми.

Мы как раз заканчивали обустроить домик, как Ира сказала:

– Смотри, Оленька: твоя бабушка идет.

И действительно – в калитку входила бабка Лиза. В темном рабочем халате, в котором она всегда копошилась на огороде, в темном платке. В руке она несла желтую пластмассовую кошку.

– Здравствуй, Надежда Георгиевна! А я вот своей кошку хоть принесла. А то она убежала, и игрушки никакой не взяла. А у вас тут что хоть? Огород-то не сажаете? Цветов много, красиво. Ну ладно, Оля! Бери-ка кошку-то. Поиграешь – и домой беги, нигде больше не гуляй!

Не знаю, кому изначально принадлежала эта кошка, откуда она взялась – мне она досталась уже без хвоста и с почти стертými нарисованными глазами.

Даша берет кошку в руки.

– Давай она будет мамой этого котенка? Построим им еще домик. Как ее зовут?

Кошка была безымянной, но я почему-то сказала:

– Ее зовут Кошенька Маруся.

И мы стали играть.

Мне ужасно нравилось у Даши и Иры. Нравилось, что их семьи не сажали огород. Нравилось, что бабушка Иры собиралась писать мемуары, а бабушка Даши – в родстве со знаменитым писателем. Нравилось, что Ирин дедушка умел рисовать и написал очень милые пейзажи, которые висели на стенах в гостиной.

И еще мне очень нравились родители девочек. Папа Иры, бородатый физик, как-то зашел к моим родителям:

– Добрый вечер! Нет ли у вас в хозяйстве гитары? Нет? Как можно? Странно.

Мама Иры работала на телевидении, и это вообще казалось каким-то чудом.

Дашина мама была профессор-историк, Даша вместе с ней часто ездила в разные страны. Приезжая на дачу, она рассказывала, как побывала в Болгарии или Голландии. Это тоже казалось чудом.

Дашина семья была очень верующей, для времени моего детства это было не очень обычно. Как-то мы начали говорить о Дашиных возможностях путешествовать, о редких книгах, которые могла доставать Дашина мама, и Дашка небрежно отметила, что в этом нет ничего такого особенного. Я удивилась и спросила:

– Ну а представь, ничего этого нет – ни путешествий, ни интересных книг...

Дашка засверкала глазами:

– У меня есть Бог!

Я была потрясена. У моей бабушки над кроватью висели иконы, она молилась вечерами, но меня это совершенно не касалось. Бабка была старой и вообще из деревни. А тут – моя подруга, моя сверстница – верит в бога! И как верит!

И я тоже стала верующей.

Целое лето Дашка просвещала меня: она переписала для меня молитвы, пересказывала Библию и учила нравственности, звала к себе в гости в Москву и обещала познакомить с одним священником, который очень, очень мудрый. Он поможет мне истинно прийти к вере и развеять сомнения.

Как-то она сунула мне в руку маленький пакетик:

– Возьми... я немного собрала денег, ты сможешь купить себе молитвослов!

Меня затопила волна стыда и нелепости происходящего – родители никогда не отказывали мне в деньгах и не интересовались, на что я эти деньги трачу. Купить молитвослов я могла и сама. Я неловко совала пакетик обратно, Дашка не брала:

– Я собирала деньги и молилась! Я так хочу, чтобы ты пришла к Богу...

Пакетик я все-таки всучила ей обратно, на следующий день попросила у папы денег и купила молитвослов, но всегда смотрела на него с какой-то неловкостью и открывала крайне редко.

Даша занималась в художественной школе, на лето ей всегда давали задания. Кроме того, она получала уроки на лето в своей сложной английской школе. Для меня, все лето бегавшей по дачной улице, эти задания были еще одним доказательством ее непохожести и, может быть, совершенства. На веранде у Даши был особенный столик, где лежала английская грамматика, словарь, тетрадь, а в ящиках лежали бумага и краски. В двенадцать лет я тоже начала заниматься языками и первым делом потребовала отдельный стол, чтобы положить туда грамматику и словари. Папа сделал столик и поставил его на втором этаже. Я сидела перед окном, смотрела в сад, делала упражнения и чувствовала, какая я прекрасная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.